

25 ФЕВ 1987

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

«ЕРНЫЙ МИР,
ТАНИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА»

ИНТЕРВЬЮ

Норман
МЕЙЛЕР:

«ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ...»

Когда мы говорим о тех современных американских писателях, чьи имена не просто воспринимаются нами «на слух», но кто стал осязаем через книги, прошел через наш ум и сердце, мы называем и Нормана Мейлера. «Нагие и мертвые», «Американская мечта», «Почему мы во Вьетнаме?», «Армии ночи», «Майями и осада Чикаго» и многое, многое другое...

Для Америки этот писатель столь же неотъемлем, сколь неотъемлемо ее послевоенное прошлое и настоящее. Сразу после окончания второй мировой войны Норман Мейлер, можно сказать, прямо с поля боя ринулся в литературу, и в 1948 году двадцатипятилетний бывший солдат выпустил в свет «Нагих и мертвых», чтобы, как говорит один из его героев, «все знали, что собой представляет эта проклятая армия...».

А потом — десятилетия взлетов и падений, поиски самого себя и битвы на «мирных» полях культуры и политики. Один из творческих взлетов писателя пришелся на середину шестидесятых годов, когда Соединенные Штаты потрясли массовые протесты против социальной несправедливости. В одном ряду с чернокожими и белыми бунтарями, которым часто не было еще и двадцати, шли лучшие представители американской интеллигенции. Достаточно вспомнить, что «на ступенях Пентагона» в знак протеста против вьетнамской войны стояли и поэт Роберт Лоуэлл, и ученый Бенджамин Спок, и Норман Мейлер, написавший об этом замечательную книгу. В те годы, когда тоже бывший солдат Курт Воннегут пишет своего «Мистера Рузвельта», Джон Апдайк — знаменитого «Кентавра», Норман Мейлер беспощадно развенчивает «американскую мечту» в своем романе, названном так, как звучит самый, пожалуй, живучий из американских мифов об обществе «всеобщего процветания»... Тогда же Мейлер одним из первых прибег к публицистике как к наиболее мобильному и эффективному в те годы жанру литературы. Из очерков и статей Мейлера мы узнавали Америку, какой она была на самом деле, а не на рекламных фотографиях. Выхваченные из жизни кадры запечатлевали фарс «демократических» выборов, милитаристский угар, роль поп-культуры в рождении и убийстве своих идолов, забвение духовности и морали...

ЧТО ЖЕ сегодня? У писателя за плечами сорок лет жизни в литературе. Из них восьмидесятилетие — быть может, самые трудные... Последний роман «Крепкие парни не танцуют», по мнению критики, оказался слишком рылым и не слишком удачным. Сам писатель тоже не причисляет его к числу своих побед. «Я написал его всего за два месяца. Это была каторжная работа...»

— Сейчас делаю фильм по этому роману, — рассказывает писатель, пока мы едем по заснеженной Москве из Шереметьева в гостиницу «Космос», где на следующий день откроется форум. — Я год писал сценарий, сам режиссирую.

— Трудно себе представить, как вы «уложитесь» в два часа экранного времени. Но, видимо, не случайно потрачен целый год на сценарий?

— Сразу по возвращении из Москвы еду на съемочную площадку. Надо завершать работу. Мне хочется сделать не очередную коммерческую ленту, а фильм о нашей острой социальной болезни — наркомании, захватившей все слои американского общества. Марихуана шестидесятых — ничто в сравнении с тем, что делает сегодня с людьми героин...

— Это бегство от реальности?

— Хуже! Это подмена жизни, медленное самоубийство.

Норман Мейлер знакомит меня со своей очаровательной женой. Барбара — писательница, актриса, художница. Она уже была в Москве два года назад и сейчас оживленно всматривается в знакомые дома, хочет завтра же пойти на Красную площадь, расспрашивает, кто из известных писателей, кинематографистов и деятелей театра уже приехал на форум.

По пути мы проезжаем современные жилые кварталы, и писатель замечает:

— Как это все похоже у нас и у вас — эти железобетонные коробки, в которых вынуждены жить люди. Вас-то можно понять — у вас была война. А у нас ведь ничего не было разрушено, а все строят и строят каменные чудовища, заливают бетоном последние сантиметры земли, сдавливают человека со всех сторон...

Я рассказываю, какое сейчас у нас поднялось поистине всенародное движение за сохранение исторического облика столицы и других городов, как художники, архитекторы, писатели, молодежь ведут открытое обсуждение проектов реконструкции и застройки, чтобы города оживили, а история заговорила.

Проезжаем стадион «Динамо». Барбара приходит в детское восхищение от того, что на футбольном поле, залитом льдом, в лучах прожекторов мелькают яркие фигурки конькобежцев. Красиво! И мне радостно от того, что мои спутники не безучастны к красоте мирной заснеженной Москвы. Подъезжаем к «Космосу», и я напоминаю Норману Мейлеру, что в прошлый свой приезд он так и не дал мне интервью, сославшись на то, что его визит был туристическим — неофициальным.

— Когда же это было? — Мейлер напрягает память. — Это было до XXVII съезда? Ну конечно!

Мне, откровенно говоря, показалась неожиданной для американца такая точка отсчета...

— А сейчас вы приехали на форум. Это ваш третий визит в Москву. Скажите, не просто же привела вас сюда «страсть к путешествиям»?

— Конечно, нет. Я вообще ненавижу путешествия, ненавижу всякие конференции, речи и тому подобное. Я приехал потому, что мне любопытно прежде всего узнать, что нового происходит у вас в стране. Много говорят, много пишут разного, но лучше увидеть самому, своими глазами.

— А если бы вам представилась возможность вот так, сидя друг против друга, беседовать с Михаилом Сергеевичем Горбачевым, что бы вы ему сказали или о чем, быть может, поспорили?

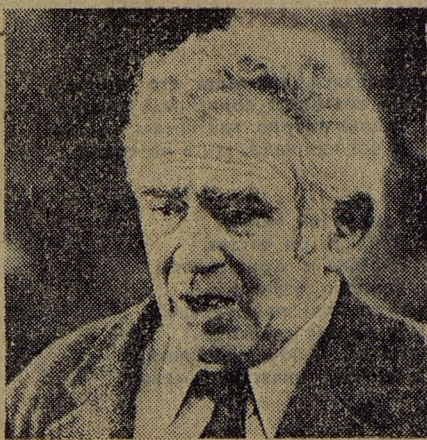
— Вообще-то по натуре я отчаянный спорщик. И если бы представилась воз-

можность, я бы ею воспользовался. Но мне известно, что государственный, политический деятель такого масштаба разговаривает в день примерно с сорока — шестидесятью людьми. Пожалуй, я предпочел бы послушать, что говорит он. Ведь я — всего лишь писатель, а решения принимаются политиками. И то, как сейчас ведутся дела там — в Кремле, — вселяет надежду.

Норман Мейлер рассказывает о встречах в Америке с советскими писателями, вспоминает беспрецедентный для американской аудитории успех литературных чтений, которые были устроены недавно на Бродвее с участием советского поэта Андрея Вознесенского.

Естественным образом мы перешли к русло размышлений о русской литературе.

— Когда я возвращался с фронта, — рассказывает Норман Мейлер, — у меня в вещмешке был томик Толстого. Я тогда обдумывал свой будущий роман «Нагие и мертвые» и читал «Анну Каренину». «Боже, — думал я, — если бы мне когда-нибудь удалось написать с такой интонацией — с таким чувством пропорции и покоя, справедливости и сочувствия к ближнему! Самым любимым моим писателем всегда был Толстой — я считаю его величайшим романистом. В колледже я прочел Достоевского — он затронул в душе другие струны. Позже пришли ко мне Хемингуэй и Фолкнер. Вот сердцевина моей любви к литературе. Фолкнер и Хемингуэй внесли много в понимание современности между ними двумя я вижу некое диалектическое взаимодействие — оба они раз-

рабатывали тему насилия и морали. Толстой же и Достоевский касались самых фундаментальных проблем.

Американские писатели вышли из английской традиции, хотя это и не видно. Для них, так же как для писателей-англичан, всегда важны были общественные нравы. Если они были плохи, то есть не соответствовали определенным обстоятельствам, значит, что-то неладило было в основе. Русским же писателям, Достоевскому например, как мне представляется, важнее другое. Плох ли, хорош ли человек, главное — его взаимоотношения с другими людьми, его любовь, сострадание...

Основа русской литературы, как я понимаю, — диалектика. Западная же литература, напротив, стремится избежать диалектики, в особенности литература английская и американская. В этом их принципиальное различие.

— Вы затронули тем самым коренные проблемы человеческого бытия. А потому я задам вам простейший вопрос: верите ли вы в изначальное предопределение человека как существа, которое должно быть счастливо?

— Да, верю, при том, конечно, что несчастья, выпадающие на нашу долю, объяснимы самой жизнью. В противном случае мир был бы абсурдом.

— С этой точки зрения и тема московского форума для вас как для писателя, конечно, имеет не только познавательный интерес?

— Хочу ответить маленьким эпизодом из времен второй мировой войны. Немецкий солдат говорит, что он один стоит восьмью солдат-американцев, но... лишь в том случае, если американцев не разозлить как следует. Я много думал над этой простенькой притчей. Действительно, американцы — неважные солдаты, по натуре они люди миролюбивые. Но если американца сильно разозлить, он становится другим человеком, он способен драться до последнего. Русские тоже миролюбивы. Но русские, по-моему, не терпят, когда их учат, как им следует жить. Русские не переносят, когда им навязывают чужую волю, — они отчаянно сопротивляются диктату. Так вот. Что же происходит в отношениях между США и СССР за последние сорок лет? Русские приводят американцев в бешенство, а американцы учат русских, как им следует жить. В результате сложилась тупиковая ситуация, из которой необходимо выйти. Две великие державы за последние сорок лет наращивают и наращивают вооружения, демонстрируя друг перед другом свою военную мощь. Это опасно не только с той точки зрения, что возрастает вероятность ядерного конфликта. Опасность таится глубже — обе страны могут в конце концов разорить свою экономику и стать банкротами. Зажатая в их тисках Европа также неминуемо разорится, и тогда в мире возникнет совершенно иная ситуация — экономическая власть на мировой арене будет принадлежать Японии, Корее и, возможно, Китаю.

— Многие ли в США думают так же, как вы?

— Мысли, которые я высказываю, не новы. Так думают сегодня очень многие политические и общественные деятели в разных странах мира. Если Россия и Америка не прекратят эту дорогостоящую «холодную войну», дело кончится плохо.

— Вы имеете в виду ядерную войну?

— Надеюсь, до этого не дойдет, но человечество ведь может уничтожить себя иначе. Посмотрите, что происходит. Вторая мировая война была страшным бедствием. Она не только катастрофически разрушила страны, уничтожила миллионы людей. Она произвела, я бы сказал, лоботомию всей западной культуры. Фашизм показал, что можно невинных людей бросать в газовые камеры, что человеческая жизнь ничего не стоит. После войны люди, так и не смогли оправиться от страха. Сместились понятия, невинность и безответственность заменили собой истинные ценности.

Мы живем сейчас, я бы сказал, в эпоху постмодернизма, когда корни мировой культуры оказались обрезанными второй мировой войной. И теперь мы хватаемся за

что попало. Из-за противоестественных условий существования люди ищут стимуляторы. Отсюда и невиданный распространение наркомании. А гонка вооружений продолжается, разрушая и разрушая экономику, ухудшая и ухудшая условия жизни. Этот процесс идет на протяжении последних сорока лет.

— И сопровождается ростом страха перед ядерной угрозой...

— Нет, я хочу сказать о другом. Как это ни парадоксально, но все предыдущие войны имели какой-то налет романтизма. Да, не удивляйтесь — солдаты шли на войну, чтобы сражаться за что-то или против чего-то. Они мечтали вернуться домой, их ждали жены или погибли вместе с ними. Ядерная же война абсолютно бессмысленна!

До тех пор, пока мир остается более или менее динамичным, человечным, ядерной войны не будет. Но если наступит полный застой, если человеческое существование сузится до того, что, глядя, например, в окно, мы будем видеть только уродливые железобетонные коробки, если мы погрязнем в болезнях, невежестве, скуке и серости, тогда... Тогда человечеству больше просто не захочется жить. Останется только нажать на кнопку.

— Пока до этого не дошло, скажите, верите ли вы в силу литературы, художественного слова, образа? Ведь литературе сегодня тоже нелегко. Например, конкуренция с телевидением?

— В ответ я загадаю вам загадку: маленькое, зловредное да еще мигает — что это такое?

— Не знаю.

— Это телевидение. Я воспринимаю его как нечто прежде всего очень уродливое. Его отрицательное воздействие на культуру не вызывает сомнений.

— Но мы уже не в состоянии «отменить» телевидение...

— Я намеренно заостряю проблему. Телевидение может служить и благородным целям, если подходить к нему как к искусству.

Пока не была сделана скрипка, не было создано ни одного скрипичного произведения... Телевидение, на мой взгляд, должно добиться той степени художественности, которую обещал нам кинематограф при своем появлении, оно должно иметь образное воздействие на человека, в противном случае роль телевидения сведется к тяжкому бремени, под которым мы будем жить. Незавидная участь!

— Играет ли в сегодняшнем мире книга столь же важную роль, как средства массовой информации?

— Когда я впервые приехал в вашу страну, я был просто потрясен тем, с какой любовью и даже страстью у вас относятся к литературе. В этом большая разница между нашими странами. Я люблю свою страну, но признаюсь, что касается литературы, я испытываю чувство горечи: хотя в США продается и покупается огромное количество книг, но мне кажется, что у нас к литературе отношение не слишком серьезное. Я бы хотел, чтобы у нас в Америке были такие же читатели, как у вас.

Что касается роли литературы в жизни общества, то книга, на мой взгляд, обладает способностью производить эффект замедленного действия. Сила книги велика, но ее невозможно измерить, так же как невозможно предсказать, какую роль она сыграет в историческом процессе. То же относится и к писателям. К примеру, Бальзак, как известно, был роялистом, но его книги оказали влияние на Маркса. А кто мог предсказать, что «Капитал» или книги Ленина окажут такое влияние на ход мировой истории?

Как писатель, я не могу однозначно ответить на вопрос о роли литературы. Иногда мне кажется, что литература буд-то для того и существует, чтобы ею занимались посредственности. Порой же горжусь тем, что я писатель. По-моему, настоящий писатель, когда создает истинно художественное произведение, совершает акт абсолютной, бессознательной щедрости. Он как бы говорит: «Вот они — мои тайны. Берите их, теперь они — ваши!» Потому что, кстати, писательская профессия часто вызывает недоверие и подозрительность у людей, занятых обычным, нетворческим делом. Это трудно понять и объяснить с точки зрения человека, который работает, зная, что тем самым он кормит свою семью, — у него конкретная и совершенно ясная цель. У писателя же все иначе. Писатели вообще — люди вредные и опасные. Они опасны прежде всего для тех, кто творит зло. Потому что писатель может разгадать, почувствовать то, что не видно никому, и высвечивает зло, демонстрирует его всем, делает тайное явным. Но все тоже не так просто. Сила слова велика, и писательская профессия может дать, например, слабому и недостойному человеку власть над другими людьми. Так что, повторяю, мне трудно судить, я сам писатель.

Верю, однако, что даже если люди совсем перестанут читать, писатели еще очень долго будут писать...

— Мы беседуем накануне открытия московского форума, и вы сказали, что приехали потому, что вам любопытно узнать, что нового происходит в нашей стране. Ваша озабоченность состоянием отношений между нашими странами очевидна. Есть ли все-таки, по вашему мнению, основания для оптимизма?

— Я говорил о сорока годах, отравленных «холодной войной». Сейчас же... Я не претендую на то, что могу судить хоть в какой-то мере о господине Горбачеве, но скажу одно — я впервые вижу, чтобы советский лидер так умно разговаривал с американцами. Американская пресса очень серьезно относится ко всему, что говорит господин Горбачев. Его слова обладают большой притягательной силой. И это обнадеживает: если русские понимают, как надо разговаривать с американцами, то, быть может, и мы начнем учиться тому, как надо разговаривать с русскими.

Вечером, после приема в Кремле, я позвонила ему в гостиницу:

— Каковы вкратце ваши впечатления?

— Впечатлений слишком много...

— Но вы ведь утром в пять часов уезжаете. Что же мне делать?

— Ничего страшного. Давайте условимся так: пусть наш разговор останется неоконченным — продолжение следует.

— Согласна. Если разрешите, я так и напишу: «продолжение следует...».

Беседу вела Анна МАРТЫНОВА

Фото А. КАРЗАНОВА